

Мода и еще о покрытиях

В отличие от других инструментов, как фортепиано или скрипка, чей статус был установлен очень давно, до сих пор не было ясно и определено продемонстрировано, что гитара является инструментом, достигшим конечного совершенства. Так происходит по причине разнообразных тенденций, которые гитаристы провозглашают в качестве своих предпочтений, и относительно коротких, изменчивых периодов времени, которые можно назвать модами, иногда весьма причудливыми, и которые усложняют искомую консолидацию.

Чтобы показать это, уместно начать объяснение с того, что гитара является промежуточным инструментом между лютней или лютом (лауд на кастильском испанском и ал уд на родном арабском языке) и виолончелью, обозревая очевидные отличия между ними и фокусируясь исключительно на качестве и типе звука. Виолончель имеет глубокий, низкий звук, интенсивный, протяжный и исключительно красивый. Лютня имеет высокий и чистый, с маленькой или вовсе без протяжности, особенно высокие ноты оказываются короткими и острыми, но она имеет и воистину захватывающее очарование в границах своей мощности. Это деликатный и прелестный инструмент. Если тот же звук воспроизвести на обоих этих инструментах (естественно, на виолончели их нужно взять щипком), невероятное отличие между качествами и типами звука становится очевидным, и более или менее в этом диапазоне мы и находим звук гитары. И, как я наблюдаю, здесь имеются возможности для того или иного в соответствии с тем, что модно в этот момент, что влечет за собой определенные способы конструирования гитары, внутреннюю структуру, покрытия и так далее, и создает нестабильность, которая вряд ли способна помочь определенной консолидации гитары, такой, как в случае других, формализованных, инструментов. Эти колебания определены особенностями конструкции двух примеров – лютни и виолончели. Виолончель имеет прочную конструкцию, являющуюся объектом значительных улучшений в течение столетий; она имеет маслянистое, очень красивое покрытие с значительной кристаллизацией – действительно утонченное покрытие, которое приходится наносить медленно и осторожно – и современные очертания и характеристики этого инструмента были сформулированы очень и очень давно.

Лютня легка как перо, ее конструкция предельно хрупка, и там, где лишней грамм древесины может быть сохранен, его убирают, как будто это высшее достижение. Имеется некоторое количество моделей разных размеров и с разным количеством струн. Его покрытие весьма типично для Средних Веков. Я даже не рискнул бы назвать это покрытием, как будто бедный шеллак выглядит как настоящее покрытие. Примерами компонент «покрытия», которое использовали для лютен, являются яичный белок, чистая вода и, возможно, немного смолы. Лишним доводом является тот факт, что когда кто-либо пытался покрыть лютню покрытием в истинном смысле этого слова, его постигала неудача, поскольку инструмент терял характеристики старомодного звука. Это демонстрирует важность влияния покрытия, как на природу, так и на мощь и качество звука инструмента. Лютня – это восхитительный маленький инструмент, который лучше оставить как он есть.

В результате вышесказанного, можно подумать, что шеллак является покрытием наилучшим образом подходящим для гитар, и что ее конструкция имеет склонность становиться легче, имея результатом милый, но высокий и искрящийся звук. Когда я делал гитары подобного рода многие годы назад, Сеговиа счел необходимым сказать, тестируя одну из них: «Она звучит хорошо, но у нее голос сеньориты», и симитировал фальцетом высокий тон музыкальной фразы. Фактически, этот тип гитар, который я назову легким в целях прояснения, ближе к гитаре фламенко, тогда как истинная классическая гитара должна быть инструментом, который был бы слышен без потери звуков в относительно больших залах и которой подходит более низкий тембр, позволяющий охватить диапазон большого солирующего инструмента. Как я вижу, мы находимся лишь в самом начале пути в этом направлении.

После Торреса в середине прошлого (XIX, прим. перев.) века, легкие гитары очевидным образом апеллируют к Мануэлю Рамиресу и его ученику Сантосу Эрнандесу. Они продолжали доминировать в течение первой трети этого (XX) столетия, после чего появились серьезные, мощные и басовитые гитары, например, от Хаузера и Флеты.

Однажды, Сеговиа рассказал мне о неприятностях, которые у него произошли с гитарой моего дяди Мануэля Рамиреса, когда он пытался добиться от ее первой струны протяжного звука, нужного для большей выразительности. Вплоть до последних нескольких лет, эта «мода» была принята практически всеми гитаристами, которые любили серьезные, хорошо развитые гитары, но теперь некоторые из этих профессионалов изменили стиль, склоняясь к легким гитарам с характеристиками рубежа столетий, и покрытых шеллаком. На самом деле, гитары с живым звуком уже есть, но есть и другие, кто, к моему разочарованию, и несмотря на мое намерение достичь идеальной гитары, звучат как консервная банка, и в результате дискредитируют этот чудесный инструмент среди профессиональных музыкантов, которые считают его примитивным.

Все это еще раз показывает, что гитара до сих пор не достигла своей вершины. Это всегда было понятно мне, и теперь я нахожу необходимым сфокусировать мои исследования на двух направлениях: работу, которую я проводил в направлении виолончели, и работу, которую я с энтузиазмом начал для разработки легкой гитары, стремящейся к люте, надеясь, что это путь приведет меня к большим достижениям, на которые я всегда был нацелен. Я не собираюсь упрямо отвергать любые средства в этом предприятии.

Я также изучаю электрифицированную гитару (что с электрогитарой совсем не одно и то же), вспоминая прекрасные концерты, написанные для гитары с оркестром, которые предлагают так много трудностей и для исполнителя на гитаре, и для оркестрантов. Конечно, я считаю это лишь временным решением, пока не разработана идеальная гитара, и надо позаботиться о том, чтобы не окончить такими курьезными вещами, как та, что я видел несколько дней назад. Это была скрипка, вероятнее всего, из пластика, потерявшая многие детали своего белого тела, и черный гриф с шестью струнами, испускавший слабый глухой звук, не слишком подходящий для интерпретации Вивальди мистером Менухиным.

Может показаться, что я оправдываюсь. Да, это так, - я оправдываюсь.